

УДК 338.24.021.8(47)(09)
ББК 65.050.113(2Рос)г
DOI [10.17150/2308-2588.2016.17\(3\).467-487](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17(3).467-487)

С. Е. Мишенин
*Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, Российская Федерация*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СССР В 1965–1982 ГОДАХ В ОЦЕНКАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Для обзора дискуссий 1990–2010-х гг. о косыгинских реформах выбраны сюжеты, по которым так и не достигнуто единого мнения: это — причины, сущность, инициаторы и непосредственные организаторы реформирования, движущие силы преобразований, процесс и рамки осуществления, причины замедления, а также итоги реформирования. По мнению автора, поляризация мнений при обсуждении косыгинских реформ во многом обусловлена современными идеологическими разногласиями в оценке советского периода российской истории. Реформа 1965 г., на взгляд автора, обслуживала как текущие интересы власти и частично граждан, так и перспективную логику трансформации советской системы в постсоветскую. Не обеспечив стабильность советской системе, реформа Косыгина сохранила коридор возможностей для дальнейших социально-экономических экспериментов. Эта точка зрения может объединить как сторонников, так и критиков косыгинской реформы, послужив основой для дальнейшей плодотворной научной разработки проблем истории советской экономики.

Ключевые слова. История советской экономики, реформа 1965 г., постсоветская экономическая мысль.

S. E. Mishenin

*Kemerovo State University,
Kemerovo, Russian Federation*

1965–1982 ECONOMIC REFORMS IN THE USSR FROM THE POINT OF VIEW OF POST-SOVIET SOCIAL STUDIES

Abstract. The article reviews the 1990–2000 «Kosygin» reform debates in the context of the most disputable issues like causes, nature, authors and direct administrators of the reform, its driving powers, process and frameworks, causes of its deceleration, and also its results. According to the author, the main cause of Kosygin reform antithetical assessments is modern ideological conflict about the Soviet period of Russian history. The author believes that 1965 reform was executed in accordance with current governmental interests (and partially – with citizens' interests) with the aim of transformation Soviet system into Post-Soviet one. This reform could not establish stability for the Soviet system, but preserved a possibility for the future social-economic reformation. This point of view can unite both advocates and opponents of the Kosygin reform and become a basis for further productive studying of Soviet economy history problems.

Keywords. History of Soviet economy, 1965 reform, Post-Soviet economic thought.

При изучении дискуссий вокруг «косыгинской» реформы важно учитывать два уровня обсуждения — практический и теоретический срезы.

Первый из них формируется в среде активных участников и наблюдателей. Они акцентируют внимание на технических и технологических сторонах реформ, методической стороне реализации задуманного. Этот срез дискуссии имеет тенденцию к потере смысла по мере удаления от времени конкретной реализации.

Теоретический срез дискуссий призван оценить реальные изменения, их влияние на последующие

события. В отличие от дискуссий, ориентированных на практические действия, смысл общетеоретических дискуссий, напротив, возрастает по мере удаления от объекта изучения. Большое удаление от проведения реформы позволяет углублять анализ, расширять возможность сравнения.

Применительно к экономической реформе 1965–1982 гг. обсуждение второго уровня стало развиваться в основном с 1990-х гг., когда появился материал для ретроспективного анализа. Это произошло вследствие завершенности функционирования системы и освобождения российской экономической науки от давления коммунистической идеологии.

Г. И. Ханин справедливо указал [43, с. 315], что реальный критический разбор реформы 1965 г. начался со сборника статей «Альтернатива: выбор пути», вышедшего в 1990 г. и выражал точку зрения левой оппозиции среди членов КПСС [2]. До него в советской печати, в условиях политических ограничений на научный поиск и на оглашение мнений, было принято высказывать только позитивную оценку экономических реформ в СССР 1960–1980-х гг., хотя и указывались существенные проблемы в их осуществлении.

Для обзора дискуссий 1990–2010-х гг. выбраны только те сюжеты, по которым так и не достигнуто (а, может быть, и нельзя достигнуть) более или менее единого мнения: это — причины, сущность, инициаторы и непосредственные организаторы реформирования, движущие силы преобразований, процесс и рамки осуществления, причины замедления, а также итоги реформирования.

О «косыгинских» реформах в постсоветский период прошло довольно много публикаций. Среди пишущих в той или иной степени на эту тему — авторы обобщающих работ по истории экономических реформ в России [28] и по экономической истории страны [1]. Есть интересный очерк В. А. Мау о модер-

низациях в истории страны в «Большой Российской энциклопедии» [23, с. 461]. Опубликованы воспоминания об А. Н. Косыгине [32], включая мемуары внука Косыгина А. Д. Гвишиани [9] и помощника Косыгина в 1961–1980 гг. Ю. В. Фирсова [41]. Есть на эту тему и различная публицистика — здесь можно назвать остро-полемичные работы М. Ф. Антонова [3; 4] и С. Т. Брезкуна (С. Кремлева) [19].

Последний «тур» дискуссий о «косыгинской» реформе начался в 2010 г., когда Ю. Голанд и А. Некипелов выступили со статьей, где открыто поставили вопрос: «Чем были преобразования А. Н. Косыгина для советской системы — упущенным шансом или миражом?» [11]. В обсуждение вопроса включились многие авторы [8; 14, с. 94–95; 15; 17; 22; 35; 40; 46]. О научной актуальности анализа преобразований в СССР середины 1960-х — начала 1980-х гг. говорят и защиты ряда диссертаций [21; 38; 39].

Исходным вопросом, обсуждаемым в публикациях о реформе, логично считать обсуждение **причин**, которые вызвали «косыгинские» преобразования. Здесь можно выделить два подхода.

В первом случае акцент делают на объективные факторы развития советской экономики. Так, Л. Н. Лазарева связывает необходимость этих преобразований со вступлением СССР в середине 1950-х гг. в эпоху научно-технической революции, которая и потребовала интенсификации производства. Это поставило советское руководство перед необходимостью отвечать на вызов времени [21]. Сторонники этой позиции полагают, что в СССР существовала командно-административная система управления экономикой, которая на рубеже 1950-х — 1960-х гг. практически исчерпала себя [11, с. 51; 37, с. 127; 41, с. 64–65], поэтому требовалось создание новой управленческой конструкции.

Есть и принципиально другая версия, акцентирующая внимание на субъективных факторах и представ-

ленная, в частности, у М. Ф. Антонова [3; 5]. По его мнению, в СССР неоднократно предпринимались попытки возрождения капитализма, именно в качестве таковой он и рассматривает реформы Косыгина. С другой стороны, по его мнению, эти реформы были ответом на «провалы» не сталинского, а хрущевского периода, когда как раз и возникла проблема валовых показателей. Дополнением концепции М. Ф. Антонова следует рассматривать наблюдения С. Т. Брезкуна (С. Кремлева): он обратил внимание, что применение прибыли в качестве основного показателя вело к снижению рентабельности производства (1917–1927 и 1960–1991 гг.), а переход на применение показателя себестоимости вело к повышению рентабельности (1928–1960 гг.) [19].

В более академической форме это мнение выражено у С. Губанова, который тоже указывает на неудачу реформы 1957–1959 гг. Хозяйственные условия, установленные ею, оказались негодными: народное хозяйство страдало от тяжелых диспропорций, возникла угроза подрыва самой управляемости социальных и хозяйственных процессов. К середине 1960-х гг. сложилась ситуация, когда прежние (сформулированные еще в 1920-е гг.) приоритетные цели достигнуты (построено индустриальное общество, хотя и довольно своеобразное по сравнению с западными аналогами), а новые — не сформулированы. Однако советское руководство, включая А. Н. Косыгина, не смогло найти адекватного ответа на вызов времени: «По сути дела, реформаторы 1960-х гг. действовали вслепую: не они направляли ход событий, а он направлял их. ...К сожалению, полномасштабным пониманием диалектически сложной социально-экономической обстановки, унаследованной после реформы 1957–1959 гг., руководство страны не располагало. И, более того, не проявило должной настойчивости и принципиальности, не приложило необходимых усилий для того, чтобы получить точный анализ тог-

дашней советской действительности и ее внутренних противоречий» [13].

Оба подхода к объяснению причин реформы 1965 г. имеют рациональное зерно и в определенной степени совместимы. Ведь любое конкретное общество, как и конкретный человек, — не машина. У них есть запас прочности, интересы. После системного рывка 1930-х — 1940-х гг. советскому обществу потребовался отдых, перегруппировка, «собрание сил» и размышление: как действовать дальше, куда идти. Иначе говоря, в 1950–1960-е гг. наступил период стабилизации, для которого нужна была новая конструкция системы. Один из шагов по конструированию этой новой конструкции и стала так называемая реформа А. Н. Косыгина.

Рассмотрим теперь вопрос **о социальных движущих силах этих преобразований** — иначе говоря, обсуждение того, какие социальные силы стояли за реформой 1965 г.

Официальная советская историография рассматривала преобразования достаточно упрощено, как переход от преимущественно административных, внеэкономических методов управления экономикой к экономическим. Классовый подход был отброшен даже официальной советской историографией. Был исключен и стадийно-формационный подход в оценке реформы. Потребовался крах советского режима и провал радикально-реформаторского курса 1990-х гг., чтобы на новом уровне возвратиться к некоторым научно-продуктивным идеям марксизма. Показательно, что в таком фундаментальном издании, как «Большая Российская энциклопедия» при обзоре экономических реформ XVIII — XX вв. об интересах социальных групп речь заходит только при анализе петровских преобразований: «После смерти Петра I реформы пошли на спад. Не появилось социальных групп, заинтересованных в продолжении преобразований, не было создано

механизма самовоспроизведения реформ» [23, с. 461]. Анализ влияния групп различных интересов на судьбу последующих российских реформ, к сожалению, не слишком распространен.

В то же время в литературе встречаются примеры и грубо-упрощенного подхода к вопросу о социальной базе реформ советской эпохи. В этой связи примечательна статья В. Ф. Исайчикова, в которой поставлен вопрос о классовой сущности реформы 1965 г. [17]. Представленная им схема выглядит так: в 1917 г. в России победила не пролетарская, а мелкобуржуазная революция; режим Н. С. Хрущева представлял собой попытку пролетаризировать систему, но ему это не удалось, а вот руководство Л. И. Брежнева, в том числе через реформу 1965 г., закрепило мелкобуржуазное направление, которое вполне естественно в 1990-е гг. вернуло Россию к капитализму.

Обратим внимание на рациональное зерно в аргументах В. Ф. Исайчикова: в результате осуществления «косыгинской» реформы власти попытались разбить единый народнохозяйственный комплекс на экономически автономные предприятия и тем самым «приспособить недостаточно развитый социалистический сектор к развивающимся процессам капитализации». Эта идея, согласно которой социальной опорой реформы 1965 г. были «пред-капиталистические» руководители советских предприятий, звучит и в ряде других работ. Некоторые ученые (Г. В. Будкевич) и публицисты (М. Ф. Антонов) также отмечали, что руководители предприятий встретили «косыгинскую» реформу «на ура!», потому что для них открылись возможности обогащения за счет «по-умному» организованного роста себестоимости продукции [3, с. 351; 8, с. 41; 42]. Этим было проложена дорога «обуржуазиванию» общественных отношений и «омещаниванию» населения [6, с. 7–8]. Уместно вспомнить и гипотезу, высказанную в 1990-е гг. на одном из «круглых столов», организован-

ных редакцией журнала «Отечественная история», что основное противоречие социализма — это противоречие между социалистической формой собственности и ее капитализирующимся содержанием [20, с. 200].

В основной массе публикаций о реформе 1965 г. говорится о торможении и, в конечном счете, о провале реформы, в чем виноваты некие силы в руководстве страной [39]. При этом, однако, не говорится об отношении к реформе со стороны основной массы населения. На уровне публицистических заметок отмечают факт использования реформы для наращивания теневого сектора в советской экономике. (Например, когда в 1983 г. было проверено 83 тыс. предприятий, то почти на 40 % из них обнаружались приписки [9, с. 201], но никаких массовых правовых последствий не последовало.) Еще предстоит эти идеи перевести из разряда научной публицистики [3, с. 351–362] на уровень научных выводов и тем самым выйти на проблемы изменения социальной структуры позднего советского общества и его сознания, а также интересов разных категорий населения.

Достаточно развернутую публицистическую версию анализа неудач реформ команды Брежнева-Косыгина предложил популярный в 1980–1990-е гг. экономист Г. Х. Попов. По его мнению, состояние советского общества и политика руководства КПСС не привели к формированию сил, поддерживающих исходную модель реформирования. Соппротивление реформе шло по всем «этажам» управления партией и экономикой [29, с. 388–414]. Неоднородность партийно-советской бюрократии привела к волнообразному развитию процесса реформирования государственного социализма в СССР [29, с. 146, 171–188, 371, 483–504]. Разработку и проведение реформы Г. Х. Попов связывает с такими оригинальными феноменами позднесоветского общества, как «просвещенный волюнтаризм» и «просвещенный бюрократизм» [29, с. 191–204,

474–476, 505–517]. Вовсе не случайно на первый план в проведении экономических реформ был выдвинут А. Н. Косыгин — это позволяло, по мнению Г. Х. Попова, Л. И. Брежневу играть роль своеобразного арбитра в спорах консерваторов и реформистов внутри советской бюрократии [29, с. 176–169].

А кого же следует считать **инициатором** этих преобразований? В литературе называют обычно трех авторов реформы — А. Н. Косыгина [1; 8, с. 36–37], Е. Г. Либермана [18] и (реже) Н. С. Хрущева [7, с. 37; 34; 44].

Есть и более обтекаемые подходы, подчеркивающие множественность «авторства». Например, такой: осуществились реформы при Л. И. Брежневе, главным инициатором их стал председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, но проработаны они были еще при Н. С. Хрущеве [16]. Или: в подготовке и проведении реформы 1965 г. особая роль принадлежала Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину, выступающему последовательным сторонником преобразований, а также представителям экономической науки — Е. Г. Либерману, В. С. Немчинову, С. Г. Струмилину и др. [26, с. 65]. В. Ситнин еще больше расширил круг тех, кто был причастен к разработке и реализации реформы [34, с. 80–96].

Оригинальную версию того, как шла разработка реформы, дал Г. Х. Попов. Согласно его мнению, она готовилась отнюдь не лично А. Н. Косыгиным, не «второпях» и не кулуарно. Это был обстоятельный коллективный труд просвещенной части советской бюрократии. В то же время участники подготовки отбирались административно и формально [29, с. 305–306].

Важное уточнение предложил Г. И. Ханин. Он очень точно подметил, что одна из основных проблем реформы 1965 г. заключалась в том, что начало ее разработки принадлежало лицам, принадлежащим к сторонникам радикальных рыночных преобразований (Л. Вааг, И. Бирман, В. Белкин), а завершали

ее убежденные *противники* таких мер (И. Малышев, А. Коробов, А. Бачурин) [43, с. 310]. Ханин не исключает даже сознательного формирования такой концепции реформы, которая не могла не привести к ее дискредитации [43, с. 314–315].

Для исторического анализа реформы принципиально определить ее крайние временные точки и сам процесс преобразования, что отражено в выделении **рамок и этапов «косыгинских» преобразований**.

Обычно учебные издания рассматривают реформу 1965 г. только в пределах восьмой пятилетки. Меры следующего десятилетия выглядят как бы независимые от решений сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, а решения мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС (по сельскому хозяйству) представляются как независимые от сентябрьского Пленума (по промышленности).

Публикации последних двух десятилетий позволили существенно уточнить крайние грани реформ периода «застоя». Определились несколько позиций:

- 1965–1969 гг. или конец 1960-х гг. [23, с. 463];
- 1965 г. — начало 1970-х гг. (при этом весь экономический эффект реформы ограничился одним 1966 г., когда лишь незначительная часть предприятий хозяйствовала по-новому [35, с. 415–416, 419]);
- 1965–1975 гг. [25; 27, с. 65] и
- 1965–1979 гг. [1].

Г. Х. Поповым предложена версия волнообразного развития «брежневско-косыгинского» реформирования, начавшегося в марте 1965 г., как смены периодов усиления и ослабления реформаторства [29, с. 146, 171–188, 371]. По его мнению, поворотным моментом стал 1976 г., что связано с состоянием здоровья и дееспособности Л. И. Брежнева [29, с. 146, 187].

Г. И. Ханин, И. И. Семенова, а за ней и И. А. Гриднева сформулировали тезис, что в общем всю эпоху 1960–1990-х гг. можно охарактеризовать как непре-

рывную цепочку реформ (1965 г. – 1979 г. – 1991 г.) [12; 33; 43, с. 309–393].

Интересную внутреннюю периодизацию осуществления «косыгинских» реформ предложил А. И. Дроздов. В его интерпретации рамки первого этапа охватили 1966 г., второго этапа – 1967 г., третьего – 1968–1970 гг. [15, с. 42]. К сожалению, критерий и черты каждого временного отрезка им не называются.

Привлекает особое внимание позиция Р. Гумерова и А. Крюковой. В постсоветских публикациях историко-ретроспективного характера мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС, обсуждавший «неотложные меры по дальнейшему развитию сельского хозяйства», хотя и упоминается, но обычно вне контекста «косыгинской» реформы. Между тем именно на мартовском (а не на сентябрьском) Пленуме впервые на высшем официальном уровне прозвучала та максима, что в руководстве всем народным хозяйством (а не только его аграрным сектором) необходимо более полно использовать такие экономические рычаги, как цена, прибыль, кредит. Хотя этот крайне важный тезис-вывод был затем изъят из публикации стенограммы мартовского Пленума [14, с. 94; 45], после его воспроизведения на сентябрьском Пленуме мартовский Пленум стали официально оценивать так: «Значение решений Пленума ЦК КПСС вышло далеко за рамки сельского хозяйства. Основной их смысл состоял в том, чтобы полнее учитывать и использовать в руководстве хозяйством экономические законы социализма, повышать роль экономических рычагов и развивать материальную заинтересованность трудящихся в результатах своего труда, совершенствовать систему планирования и расширять оперативно-хозяйственную самостоятельность производственных коллективов» [14, с. 94–95]. Представляет интерес замечание А. И. Дроздова: «Начало реализации хозяйственной реформы связано с аграрной сферой, и это неслучай-

но. При Л. И. Брежнев сельское хозяйство занимало одно из приоритетных мест среди отраслей народного хозяйства» [15, с. 42].

Направления (меры) преобразований 1965–1982 гг. в советской экономике не вызывают пока сколько-нибудь значимых дискуссий. Видимо, пока речь идет о накоплении критической массы материала. В этой связи наиболее интересны указанные в ряде работ (например, у Ю. М. Голанда и А. Д. Некипелова) противоречия в мерах и в самой реализации «косыгинских» преобразований, в частности:

- противоречие между установленными постановлением от 4 октября 1965 г. правами предприятий и систематическим прямым нарушением министерствами этих прав (частые изменения планов, ограничение роста фондов предприятий, прямая опека министерств над предприятиями);

- между официальной декларацией объективных законов развития (функционирования) социалистического общества и их практическим нарушением (зарплата стала расти быстрее производительности труда [8, с. 41]);

- между реальным состоянием экономики и неадекватностью его отражения в советской статистике и в официальных политических заявлениях/декларациях советских руководителей [21], что рождало двойное сознание и поведение не только значительной части этих руководителей, но и населения.

Хотя общепринято, что реформа 1965 г. имела рыночную направленность, по мнению Г. И. Ханина, на практике меры, проводимые согласно реформе, ничего общего с рыночной экономикой не имели. По сравнению с преобразованиями в некоторых социалистических странах Центральной и Восточной Европы они выглядели «куцыми». В то же время хозяйственники получили еще большую, чем раньше, возможность нарушать плановые решения [43, с. 311–314].

Результаты реформы остаются одним из дискуссионных моментов. Точнее говоря, есть большие разногласия в оценке количественных результатов и относительный консенсус в оценке качественных результатов.

В целом доминирует точка зрения, что реформы дали (пусть временно) положительный эффект, обеспечили временный рывок. В то же время есть мнение, что положительный эффект восьмой пятилетки весьма сомнителен: на это указывает, в частности, В. А. Мау [23, с. 462], а Г. И. Ханин вообще назвал успехи реформы статистической иллюзией [43].

Что касается качественных оценок, то уже в 1980-е гг. был сделан вывод, что расширение самостоятельности предприятий и повышение экономической ответственности за хозяйственные результаты производства привели к улучшению их работы и в то же время создали опасность побочного эффекта — достижения высоких хозяйственных результатов путем различных нарушений требований общества, в частности, завышения цен, «вымывания» малорентабельной продукции из производственных программ, и т. п. [24, с. 62]. Эта двойственная оценка постоянно звучит и в постсоветских дискуссиях.

Как публикации оценивают **причины такого двойственного результата?**

Видимо, ответ на этот вопрос надо связать с главной причиной «сбоев» в советской системе в целом. Один из удачных ответов предложен В. А. Мау: «Советская хозяйственная система обладала огромным мобилизационным потенциалом, но оказалась неэффективной в условиях мирного времени. Главной проблемой было отсутствие внутренних экономических стимулов к росту производства и эффективности. ...Основной задачей было не повышение производительности труда, а выполнение и перевыполнение плановых заданий» [23, с. 462]. Это обстоятельство сдерживало раз-

витие советской экономики на всех этапах ее развития. Реформа 1965 г. добавила к этому только некоторые уточняющие обстоятельства.

Здесь следует также сослаться на важный тезис Д. Е. Сорокина: последовательное воплощение в жизнь реформы 1965 г. требовало затронуть базовую основу общества — отношения государственной собственности на средства производства, что в свою очередь неизбежно повело бы к изменению всей системы социально-политических отношений. Тогдашнее руководство страны, отмечает автор, не могло пойти по этому пути [35, с. 420]. Развитие этой идеи видится в таком ходе мыслей: «косыгинская» реформа переросла рамки формации (социалистической фазы коммунистической формации, как ее понимали тогда), для настоящего успеха такой реформы требовалась трансформация советской системы в иное состояние. Такой подход уже прозвучал, например, у С. Нефедова [27].

Есть и более радикальная трактовка сути и, соответственно, провала реформы. Смысл ее сводится к тому, что советская экономическая система была принципиально неререформируемой [39], а потому сама реформа по своей сущности оказалась неприемлема для советской модели развития.

Жестче всего эту позицию изложил Г. Х. Попов. По его версии, всякая социалистическая идея пронизана волонтаризмом, преодолеть его не удалось даже К. Марксу и Ф. Энгельсу. А. Н. Косыгин представлял лишь «просвещенный волонтаризм» [30, с. 576–581]. Шансов на успех, по мнению Г. Х. Попова, у реформы Косыгина не было: по разным причинам различные социальные группы опасались или не хотели идти навстречу рынку, а попытки «расшатать строй» решительно пресекались (но в разное время разными методами) [29, с. 483–504].

Высказывалось и мнение, что «косыгинская» реформа продолжила процесс разрушения советской

модели путем ведения в нее асистемного «червя», индивидуального и корпоративного экономического интереса/мотива, что неизбежно привело к противопоставлению индивидуальных и групповых интересов в обществе. Эти противоречия системе не удалось разрешить, разнородные интересы «разрывали» органическую ткань системы [31].

Следует согласиться с Г. Х. Поповым и М. В. Спичковым, что несмотря на допущенные ошибки, период 1965–1991 гг. был объективно необходим обществу для осознания бесперспективности существовавшей социально-экономической системы и для выработки программы перехода к новой модели развития. Значительная инерционность общественного развития не позволила избежать этого периода «переоценки ценностей», а накопленные в это время знания и навыки, идеи оказались необходимыми для последующих реформ [29, с. 505–517; 36].

«Не совсем» удачные преобразования 1960-х гг. сформировали очередную точку бифуркации в истории страны. Перед обществом вставало три основных перспективы.

Во-первых, можно было вернуться к административно-командной системе. Но общество (и прежде всего, его активная часть) «устало» от рывков. Экономически активные массы этого совсем не хотели, а потому и необходимого лидера для «ре-сталинизации» не нашлось.

Во-вторых, можно было продвигаться к западной рыночной модели. Но в советском обществе не был завершен процесс «первоначального накопления капитала», утерян опыт работы в условиях рынка, «давило» социалистическое прошлое, была слаба самоорганизация.

В-третьих, можно было продолжать «сидеть между двух стульев» – формировать гетерогенную (внутренне разнородную и противоречивую) административно-рыночную систему. Конкретные исторические

условия привели к временной победе именно третьего пути возможной эволюции. Поскольку он был весьма неустойчивым, то затем, уже в 1990-е гг., родился своеобразный гибрид между вторым и третьим путем.

В итоге следует отметить, что реформа 1965 г. (точнее весь ряд реформ, которые последовали после марта – сентября 1965 г.) не имеет и не может иметь однозначной оценки. Это связано с тем, что она оказалась достаточно «всеядной», обслуживая как текущие интересы власти и частично граждан, так и перспективную логику трансформации советской системы в постсоветскую. Поэтому она обеспечила как стабилизацию системы после экстремальных «рывков» первых 40 лет ее существования, так и формирование/консолидацию «теневых» процессов и сил в рамках советской системы. Изменение соотношения сил групп интересов в СССР обеспечило поэтапное изменение процесса реформирования. В то же время сохранялась связующая нить – обеспечение не только общенародного, но и частного (корпоративного) интереса. Последние перемены в СССР рубежа 1980–1990-х гг. – например, отмена централизованного ограничения на зарплату, начало скрытой приватизации в разных формах на фоне дискуссий о свободных экономических зонах и региональном хозрасчете – вполне логично выглядят продолжением некоторых изначальных идей советского реформирования начала 1960-х гг.

Поэтому процесс реформирования, начавшийся в 1965 г., в конечном счете, для советской модели образца 1917–1953 гг. как своеобразной «формации» стал поражением. В то же время его можно считать успешным вариантом исторического «термидора» – перехода от леворадикальной стратегии преобразования (модернизации) общества к реставрации рынка, но гораздо более управляемого и социализированного, чем тот, от которого страна ушла в первой четверти XX в. Поэтому в цивилизационном плане (как фактор раз-

вития российской цивилизации) реформа победила. Но цена этой победы еще долго будет предметом анализа ученых, публицистов и политиков. Иначе говоря, стабильность собственно советской системе она не обеспечила, но дала возможность сохранить коридор возможностей для дальнейших социально-экономических экспериментов. Эта точка зрения может в чем-то объединить как сторонников, так и критиков «косыгинской» реформы и послужить основой для дальнейшей плодотворной научной разработки проблем истории советской экономики.

Список использованной литературы

1. Абалкин Л. И. Экономическая история СССР (2007) [Электронный ресурс] / Л. И. Абалкин // Uchebnik.Online. — Режим доступа : <http://uchebnik.online/istoriya-ekonomiki-knigi/kosyiginskie-ekonomicheskie-reformyi-kosyigin-51623.html> (дата обращения: 3 08 2016).
2. Альтернатива: выбор пути : перестройка управления и горизонты рынка / [Алиев В. Г., Безущенко О. И., Бобков В. Н. и др.]. — М. : Мысль, 1990. — 463 с.
3. Антонов М. Ф. Капитализму в России не бывать! Выход есть! / М. Ф. Антонов. — М. : Яуза Эксмо, 2005. — 669 с.
4. Антонов М. Ф. Миф о премьер-реформаторе : к столетию со дня рождения Алексея Косыгина [Электронный ресурс] / М. Ф. Антонов // LiveJournal. — Режим доступа: <http://publ-antonov.livejournal.com/878.html>. (дата обращения: 9.03.2014).
5. Антонов М. Ф. Цена реформаторства (Косыгинская реформа) [Электронный ресурс] / М. Ф. Антонов // Антикомпрадор.ру. — Режим доступа : <http://anticomprador.ru/publ/29-1-0-585>. (дата обращения: 19.02.2014).
6. Ацюковский В. А. Кризис социализма и Вторая социалистическая революция : (тезисы) / В. А. Ацюковский. — М. : Петит, 2008. — 32 с.
7. Белкин В. О реформе Косыгина — из первых уст / В. Белкин // Прямые инвестиции. — 2013. — № 3 (131). — С. 36–38.
8. Будкевич Г. В. Косыгин как политик и «человек системы», смотрящий в будущее / Г. В. Будкевич // Вестник ТвГУ. Сер. Экономика и управление. — 2015. — № 4. — С. 36–49.

9. Валовой Д. В. Рыночная экономика : возникновение, эволюция и сущность / Д. В. Валовой. — М. : ИНФРА-М, 1997. — 399 с.

10. Гвишиани А. Д. Феномен Косыгина : зап. внука / А. Д. Гвишиани. — М. : Фонд культуры «Екатерина», 2004. — 308 с.

11. Голанд Ю. Косыгинская реформа : упущенный шанс или мираж? / Ю. Голанд, А. Некипелов // Российский экономический журнал. — 2010. — № 6. — С. 44–66.

12. Гриднева И. А. Основные исторические этапы развития управленческого консалтинга в России / И. А. Гриднева // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. — 2012. — № 2-1. — С. 24–27.

13. Губанов С. «Косыгинская реформа»: итоги и уроки [Электронный ресурс] / С. Губанов // Экономический портал Institutiones.Com. — Режим доступа : <http://institutiones.com/personalities/672-kosiginskaya-reforma.html>. (дата обращения: 23.07.2016).

14. Гумеров Р. Косыгинская реформа: революция или эволюция? / Р. Гумеров, А. Крюкова // Российский экономический журнал. — 2011. — № 6. — С. 91–98.

15. Дроздов А. И. Экономическая реформа 1965 г.: замыслы и результаты (на материалах Хакасии) / А. И. Дроздов // Научное обозрение Саяно-Алтая. Сер.: История. — 2014. — № 7. — С. 42–46.

16. Дусенбаев А. Экономическая история России : краткий курс [Электронный ресурс] / А. Дусенбаев, Н. Воеводи́на // Русская старина. — Режим доступа : <http://oldru.com/echohistory/46.htm> (дата обращения: 3.08.2016).

17. Исайчиков В. Ф. Неудачные реформы вместо несостоявшейся революции / В. Ф. Исайчиков // Educatio. — 2015. — № 9 (16). — С. 100–104.

18. Климов Г. Нужна новая «косыгинская» реформа [Электронный ресурс] / Г. Климов // LiveJournal. — Режим доступа : <http://gklimov.livejournal.com/82016.html> (дата обращения: 12.07.2016).

19. Кремлев С. СССР — империя Добра [Электронный ресурс] / С. Кремлев // Публичная библиотека. — Режим доступа : [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KREMLEV_Sergey/Kremlev_S_SSSR_-_Imperiya_Dobra.\(2009\).\[doc-ocr\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KREMLEV_Sergey/Kremlev_S_SSSR_-_Imperiya_Dobra.(2009).[doc-ocr].zip) (дата обращения: 4.04.2012).

20. Куда идет Россия? 10 лет реформ. Заседание «круглого стола» // Отечественная история. — 1995. — № 4. — С. 198–210.

21. Лазарева Л. Н. Экономическая реформа А. Н. Косыгина : предпосылки, причины, результаты, следствия: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Л. Н. Лазарева. — М., 2011. — 28 с.

22. Латов Ю. В. «Косыгинские» реформы — упущенная возможность «дэнсяопинизации» советского общества? / Ю. В. Латов // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 3. — С. 424–439.

23. Мау В. А. Экономика. Исторический очерк / В. А. Мау // Большая Российская энциклопедия : в 30 т. / предс. науч.-ред. совета Ю. С. Осипов ; отв. ред. С. Л. Кравец. — М. : Большая Российская энциклопедия, 2004. — Т. : «Россия». — С. 461–466.

24. Медведев В. А. Управление социалистическим производством: проблемы теории и практики / В. А. Медведев. — М. : Политиздат, 1983. — 270 с.

25. Милюков А. Вопросы управления золотая пятилетка / А. Милюков // Прямые инвестиции. — 2009. — № 9. — С. 66–69.

26. Невоструева А. Эволюция социальной сущности советской модели информационно-коммуникационного пространства в 1950-х — 1980-х гг. / А. Невоструева // Власть. — 2013. — № 7. — С. 63–67.

27. Нефедов С. Экономическая история СССР — непредвзятый анализ / С. Нефедов // Quaestio Rossica. — 2014. — № 3. — С. 294–302.

28. Очерки экономических реформ / отв. ред. Ю. Ф. Воробьев. — М. : Наука, 1993. — 270 с.

29. Попов Г. Х. Реформирование неререформируемого : попытка Алексея Косыгина / Г. Х. Попов. — М. : Международный ун-т в Москве, 2009. — 527 с.

30. Попов Г. Х. «Мне на шею кидается век-волкодав...» : переосмысливание судеб России в XX веке : [в 2 т.] / Г. Х. Попов. — М. : Изд. дом ТОНЧУ, 2015. — Т. 1. — 727 с.

31. Предвестник разрушения СССР — реформа Косыгина-Либермана 1965 г. [Электронный ресурс] // Узнай правду! Ru. — Режим доступа : <http://www.uznai-pravdu.ru/viewtopic.php?f=29&t=1688&start=0> (дата обращения: 18.02.2014).

32. Премьер известный и неизвестный : воспоминания о А. Н. Косыгине : [сб. / сост. Т. И. Фетисов]. — М. : Республика, 1997. — 254 с.

33. Семенова И. И. История менеджмента : учеб. пособие / И. И. Семенова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ЮНИТИ, 2008. — 198 с.

34. Ситнин В. Главные идеи хозяйственной реформы 1965 года и причины ее неудачи / В. Ситнин // Экономическая политика. — 2007. — № 2. — С. 80–96.

35. Сорокин Д. Е. Фактор доверия (к 50-летию «косыгинской» реформы) / Д. Е. Сорокин // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 3. — С. 415–423.

36. Спичков М. В. Социально-экономическое развитие СССР в 1985–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. В. Спичков. — М., 2008. — 19 с.

37. Терняев А. П. Сдерживающие факторы в экономике СССР накануне реформы второй половины 60-х гг. XX в. А. П. Терняев // Международная торговля и торговая политика. — 2014. — № 12 (91). — С. 126–134.

38. Ульянова М. В. Тенденции и противоречия реформирования экономической модели развитого социализма в СССР в 1965–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. В. Ульянова. — М., 2011. — 18 с.

39. Ульянова О. А. Советская экономическая система как объект реформирования: 1965–1967 гг.: автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / О. А. Ульянова. — М., 2011. — 24 с.

40. «Упущенный шанс или последний клапан?» (К 50-летию «Косыгинских» реформ 1965 г.) [Электронный ресурс] // Великие экономисты и великие реформы. — Режим доступа : <http://library.fa.ru/page.asp?id=173> (дата обращения: 24.07.2016).

41. Фирсов Ю. Косыгин и его время (фрагменты очерка, включенного в книгу-альбом, посвященную 100-летию со дня рождения А. Н. Косыгина) / Ю. Фирсов // Российский экономический журнал. — 2004. — № 5-6. — С. 57–82.

42. Ханин Г. И. Современная российская буржуазия (опыт экономического эскиза) / Г. И. Ханин // Terra Economicus. — 2013. — Т. 11, № 1. — С. 9–28.

43. Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время : монография : в 2 т. Т. 1 : Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год. — Новосибирск : НГТУ, 2008. — 515 с.

44. Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Реформатор / С. Н. Хрущев. — М.: Время, 2010. — 1077 с.

45. Шевельков А. И. Аграрная политика СССР второй половины XX в. по документам ЦК КПСС / А. И. Шевельков // Вестник архивиста. — 2010. — № 1. — С. 3–20.

46. Ядгаров Я. С. Особенности реформаторских воззрений советского периода (к 50-летию «косыгинских» реформ 1965 г.) / Я. С. Ядгаров // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 2. — С. 329–345.

Информация об авторе

Мишенин Сергей Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент, кафедры истории России, Институт истории, государственного управления и международных отношений, Кемеровский государственный университет, 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, e-mail: s-e-m-57@mail.ru.

Author

Mishenin Sergey Evgen'evich — Ph.D. in History, Associate Professor, Institute of History, Public administration and International Relations, Department of Russian History, Kemerovo State University, 6, Krasnaya Str., Kemerovo, 650043, Russian Federation, e-mail: s-e-m-57@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Мишенин С. Е. Экономические преобразования в СССР в 1965–1982 годах в оценках постсоветского обществоведения / С. Е. Мишенин // Историко-экономические исследования. — 2016. — Т. 17, № 3. — С. 467–487. — DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).467-487.

Reference to article

Mishenin S. E. 1965–1982 economic reforms in the USSR from the point of view of Post-Soviet social studies. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2016, vol. 17, no. 3, pp. 467–487. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).467-487. (In Russian).